

Павел Бажов

Тяжелая витушка

ФТМ

Малахитовая шкатулка. Уральские сказы

Павел Бажов

Тяжелая витушка

«ФТМ»

1939

Бажов П. П.

Тяжелая витушка / П. П. Бажов — «ФТМ»,
1939 — (Малахитовая шкатулка. Уральские сказы)

ISBN 978-5-4467-0904-5

«Это про мою-то витушку? Как я богатым был да денежки профурил?
Слыхали, видно, от отцов? Посмеяться, гляжу, над старичком охота? Эх
вы, пересмешники. А ведь было. Вправду было. И ровно недавно, а как сон
осталось. Иное, поди, и вовсе забыл. Шибко, вишь, память-то свою промывал
в ту пору... Чуть с головой не умыл. Где все помнить!...»

ISBN 978-5-4467-0904-5

© Бажов П. П., 1939

© ФТМ, 1939

Павел Бажов

Тяжелая витушка

Это про мою-то витушку? Как я богатым был да денежки профурил? Слыхали, видно, от отцов? Посмеяться, гляжу, над старичком охота? Эх вы, пересмешники. А ведь было. Вправду было. И ровно недавно, а как сон осталось. Иное, поди, и вовсе забыл. Шибко, вишь, память-то свою промывал в ту пору... Чуть с головой не умыл. Где все помнить!

С воли это, слышь-ко, началось.

Ее – волю эту – у нас на приiske начальство прикрыть хотело. По деревням разговор прошел, а мы и слыхом не слыхали. Только та заметка и была, что в завод на побывку отпускать не стали. Хоть того нужнее человеку, – один ответ – нельзя. И пришлых на прииск принимать не стали.

Что, думаем, за притча? Раньше сколь хочешь со стороны брали, а теперь не надо? И нас что-то крепко держат?

А прииск в глухом месте был. Под Васькиной горой в лесу. Давно тот прииск бросили. Там, сказывали, не то дикой огонь, не то синюха объявилась. Это уж не знаю. Дикому огню по здешним местам ровно бы не должно быть, а синюха – это бывает. Ну, не в том дело... Прикрыли, говорю, тот прииск под Васькиной горой, а тогда бойко работали и золотишко шло вовсе ладно. Народу, конечно, порядком нагнано было, и все из наших заводских. Вот приисковское начальство, видно, и думало:

«Откуда им узнать, коли никого домой не отпускать и со стороны народ не брать. Пусть-ко по-старому работают. Нам так-то привычнее».

Только разве народ не дойдет? Узнали и зашумели:

– Как так? Всем воля, а нам нет.

Начальство нашло отговорку.

– В церквах, – говорят, – волю читают, а у нас где? У бочки, что ли?

Кабака, вишь, настоящего на приiske не было, а винну бочку казна держала. Заботилась, значит, как бы кто копейку домой не унес. У этой винной бочки, конечно, всякого бывало... На то и намекали. На смех повернуть им охота пришла. Только народу какой смех. Шумят, таку беду, кричат:

– Читай сейчас, а то все с прииска уйдем в завод волю слушать.

Начальству делать нечего – притащили бумагу, давай вычитывать. Да разве поймешь у них, что нагорожено? Дознаваться стали, что да как? Про пашню первым делом, про леса, про пески тоже – как с ними? Начальство и говорит – пашни по нашим местам взять неоткуда, леса и пески за владельцем, а за избы свои да за огородишки вам платить причтется.

Так и удумано было, только никто тому не поверил.

Я тогда уж мужик вовсе на возрасте был, а про волю-то услышал, шумлю больше всех.

– Мошенство, – кричу, – это! Не может такого быть! Айда, ребята, в Полеву! Там разберем как надо. Что этих слушать-то!

Другие тоже не молчат. Приисковский смотритель – ох, язва был, а ласкобай! – тогда и говорит:

– Ваше дело, ребяташки, ваше дело. Вольные вы теперь. Куда захотели – туда и пошли. Нас не обессудьте – обратно принимать не станем. Дружкам своим тоже весточку подадим, чтобы остерегались вас на работу брать. Мы ведь тоже, поди-ко, вольные – не всякого примать станем, а кого нам любо. В этом не обессудьте!

Это он, конечно, с хитростью так-то говорил. По закону другое выходило. Заводская земля, поди-ко, не навовсе барам отдавалась, а по условию, чтоб, значит, всякому заводскому жителю какая ни на есть заводская работа была предоставлена. Только разве кто про эту штуку

знал по тому времени? Вот смотритель и припугнул, – работы, дескать, давать не будем, чем тогда жить станете?

Тут иные помякли, а кто помоложе да погорячее – на своем остались: ушли с прииска. И я в том числе. Пришли домой и первым делом про волю спрашивать стали. Ну, нам и обсказали:

– Эта, дескать, царская воля, как, примерно, у человека на голове плешь, – блестит, а уколупнуть нечего.

Мы видим – верно, вроде того выходит. Все ж таки испировали маленько. «Хоть, – думаем, – спина не так отвечать будет». Того и не смекнули, что брюхо погонит, так заневолю спину подставишь.

Пропились, конечно, до крошки, а кусать всякому надо. Что делать, коли у тебя ни скота, ни живота, а ремесло одно – землю перебуторивать.

Мне это смолоду досталось. В ваши-то годы я вон там на Гумешках руду разбирал. Порядок такой был – чуть в какой семье парнишко от земли подымается, так его и гонят на Гумешки.

– Самое, сказывают, ребячье дело камешки разбирать. Заместо игры!

Вот и попал я на эти игрушки. По времени и в гору спустили. Руднишный надзиратель рассудил:

– Подрос парнишко. Пора ему с тачкой побегать.

Счастье мое, что к добрым бергалам попадал. Ни одного не похаю. Жалели нашего брата, молоденьких. Сколь можно, конечно, по тем временам. Колотушки там либо волосянки – это вместо пряников считалось, а под плетъ ни разу не подводили. И за то им спасибо.

Еще подрос – дали кайлу да лом, клинья да молот, долота разные.

– Поиграй-ко, позабавься!

И довольно я позабавился. Медну хозяйку хоть видеть не довелось, а духу ее сладкого нанюхался, наглотался. В Гумешках-то дух такой был – поначалу будто сластит, а глотнешь – продыхнуть не можешь. Ну, как от серянки. Там, вишь, серы-то много в руде было. От этого духу да от игрушек у меня нездоровье сделалось. Тут уж покойный отец стал руднишное начальство упрашивать:

– Приставьте вы моего-то парня куда полегче. Вовсе он нездоровый стал. Того и гляди – умрет, а двадцати трех ему нету.

С той поры меня по рудникам да приискам и стали гонять.

Тут, дескать, привольно. Дождичком вымочит – солнышком высушит, а солнышка не случится – тоже не развалится.

В наших местах, известно, руду вразнос добывают, сверху берут. Так-то человеку вольготнее, только мне не часто это приходилось. Больше в землю же загоняли. Такая, видно, моя доля пришлась.

– Ты, – говорят, – к этому привычный. На Гумешках вон сколь глубоко, а здесь что. Самая по тебе работа.

Так я всю жизнь в земле и скребся, как крот какой. Ну, в этом деле понимать стал, а больше-то и нет ничего. Вот и думаю: «Некуда мне податься, кроме как в землю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.